

В уголовно-процессуальном законе в ч. 2 ст. 75 УПК РФ предусмотрены основания признания доказательств недопустимыми и виды недопустимых доказательств. Если первые два пункта ч. 2 ст. 75 уже содержат конкретные доказательства, которые признаются недопустимыми, то в п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ указаны иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

Вполне очевидно, что в законе нельзя дать перечень всех нарушений, при наличии которых доказательства должны быть признаны недопустимыми, и в то же время также очевидно, что такая довольно свободная трактовка при сложившейся судебной практике и в условиях отсутствия подлинной состязательности не соответствует назначению уголовного судопроизводства.

Примечания

¹ См. об этом более подробно: Газетдинова Н.И. Адвокатура и адвокатская деятельность в России. История и современность. Казань, 2003. С.185–189.

² Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 636.

*А.Ю. Шапошников, И.А. Шапошникова**

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИЛИ ЦЕНА ОШИБКИ

Errare humanum est

В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. Вместе с тем в ст. 17 УПК указано, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, и никакие доказательства не имеют заранее

* © Шапошников А.Ю., Шапошникова И.А., 2010

Шапошников Андрей Юрьевич — старший преподаватель кафедры криминалистики Самарского филиала Саратовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, подполковник милиции

Шапошникова Ирина Анатольевна — адвокат Палаты адвокатов Самарской области, коллегия адвокатов «Эгида»

установленной силы. Действующее законодательство содержит четкие критерии оценки доказательств с позиции относимости (ст. 73 УПК) и допустимости (ст. 75 УПК), однако не приводит критерии оценки достоверности и достаточности доказательств. Отсутствие четких критериев оценки достоверности доказательств, по мнению авторов, открывает дорогу следственному и судебному произволу и является одной из основ существующего в настоящее время обвинительного уклона.

Проблема оценки достоверности доказательств широка и многогранна, поэтому в данном случае мы ограничимся рассмотрением только одного ее аспекта — оценки достоверности доказательств, содержащих в себе фактические ошибки.

Проблемам следственных и судебных ошибок в отечественной уголовно-процессуальной науке уделяется значительное внимание¹. Однако, как справедливо отмечает С.А. Шейфер, до настоящего времени не достигнуто «единство в самом определении следственной ошибки, в классификации следственных ошибок и по ряду других вопросов»². Не вдаваясь в подробности данной дискуссии, отметим, что если рассматривать в качестве следственной ошибки «лишь существенные нарушения, неправильное определение им (следователем. — А.Ш. и И.Ш.) направления своей деятельности, приводящее к искажению ее результата»³, то при таком подходе к следственным ошибкам относятся только незаконные и необоснованные решения о привлечении в качестве обвиняемого, направлении дела в суд, приостановлении или прекращении дела при отсутствии законных оснований, необоснованное применение меры пресечения⁴.

В этом случае из поля зрения выпадает огромный пласт ошибок следователя, связанных с неправильным определением вида и сущности объектов, их общих и частных признаков, измерением размеров и расстояний, описанием установленного в ходе следственного действия в протоколе и т. п. Отсутствие в законе четкой регламентации действий суда при выявлении фактических ошибок в протоколах следственных действий порождает стремление исправить их любым способом. Наиболее распространенный — допрос следователя и понятых (если они участвовали в производстве следственного действия) с целью уточнения обстоятельств производства следственного действия, описания отдельных предметов, разъяснения расхождений в тексте протокола и т. п. Вместе с тем следует учитывать то обстоятельство, что подобные допросы проводятся спустя длительное время, через 2–3 месяца, а иногда и 2–3 года.

При этом суд получает «новые» доказательства вины подсудимого, которые к тому же разъясняют и «устраняют» ошибки в протоколах следственных действий, образуя «систему согласованных доказательств» и создавая иллюзию их достоверности.

Сложившаяся судебная практика «исправления ошибок следствия» привела к формированию у большинства современных следователей установки на допустимость фактических ошибок.

В ходе интервьюирования следователей ОВД выяснилось, что примерно 75 % опрошенных в ходе следственных действий проводят измерения «на глаз» без использования измерительных приборов; 95 % опрошенных считают, что ошибка в измерении не имеет существенного значения и при производстве следственного действия необходимо фиксировать только обстоятельства, подтверждающие версию обвинения, а все остальные — не относятся к делу и в протоколах не фиксируются⁵.

Часто следователи допускают еще одну распространенную фактическую ошибку — подменяют реальные факты своими умозаключениями и предположениями.

При производстве допроса следователь, услышав какой-то термин или фразу, вкладывает в них свой собственный смысл, не уточняя, что именно хотел сказать допрашиваемый, который, возможно, использовал этот термин ошибочно или вкладывал в него иной смысл. Так, например, *несовершеннолетний потерпевший указал, что один из напавших на него «был рыжий», следователь, записав эту фразу в протокол, добавил свое разъяснение — «т. е. у нападавшего были рыжие волосы». В ходе дальнейшего расследования было выяснено, что потерпевший вкладывал иной смысл в термин «рыжий», он пытался объяснить, что нападавший был одет в майку с рисунком в виде рыжеволосого мальчика и с надписью «Рыжий»⁶. Фактическая ошибка, допущенная следователем при производстве допроса, привела к незаконному задержанию двух рыжеволосых, заподозренных в совершении преступления.*

Значение фактических ошибок возрастает с увеличением объема доказательственной базы. И.Л. Петрухин, рассматривая проблемы истины и достоверности, приводит интересный пример формирования системы доказательств с одновременным опровержением доводов защиты. «Совершена кража из магазина. На прилавке обнаружен отпечаток пальца обвиняемого, но он говорит, что раньше приходил в магазин и мог оставить отпечаток. Теща обвиняемого задержана на рынке, где она торговала похищенными вещами, но, по ее словам, вещи были куплены по дешевке у какого-то лица и ею продавались по более высокой цене. Во дворе у обвиняемого найден ломик, которым, по заключению эксперта, была взломана дверь магазина, но обвиняемый утверждает, что ломик могли подбросить. Найден свидетель, по словам которого обвиняемый предлагал ему совершить кражу совместно, но обвиняемый говорит, что свидетель его оговаривает, так как между ними существуют враждебные отношения»⁷. По мнению И.Л. Петрухина, по мере накопления доказа-

тельств вероятность вывода о виновности вырастает в геометрической прогрессии. Получается, что формируемая в данном примере система доказательств опровергает доводы обвиняемого, поскольку указанное им стечение обстоятельств — маловероятно. Но проблема в том, что оно возможно. В действительности доводы обвиняемого логично и стройно объясняют доказательства виновности, и, следовательно, его вина не доказана. На этом этапе мы приходим к осознанию значения точных измерений и фиксации в протоколе всех установленных обстоятельств, даже если они вроде бы не относятся к делу.

По расположению следа эксперт может определить, в каком положении (относительно прилавка) находилась кисть руки обвиняемого и, следовательно, где находился он сам в этот момент. По положению тела можно определить, был ли обвиняемый в зоне покупателей (что подтверждает его показания) или в зоне продавца (что их опровергает). Но если в протоколе указано только то, что след бы обнаружен на прилавке без указания его расположения, или не указано, каким образом он развернут относительно сторон прилавка — выводы эксперта ограничиваются только идентификацией следа. Это значит, что опровергнуть доводы обвиняемого невозможно.

Доказательственное значение следов взлома и ломика — велико, но довод о том, что его подкинули — ничем не опровергнут. Для проверки и опровержения показаний обвиняемого необходимо детально изучить обстоятельства обнаружения ломика, но это невозможно — в протоколе обыска отражаются только факт обнаружения и изъятия предметов и их признаки⁸. Невозможность проверки ставит под сомнение достоверность вывода о том, что данный ломик принадлежал обвиняемому, хотя факт его использования в качестве орудия взлома достоверно доказан.

Показания свидетеля являются косвенными доказательствами, поскольку даже если обвиняемый предлагал совершить кражу, это не доказывает, что он ее действительно совершил.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фактические ошибки и упущения следователя сказываются на достоверности результатов следственного действия.

В некоторых случаях подобные фактические ошибки связаны с нарушением требований УПК РФ, например, следственная практика пошла по пути практически полного игнорирования требований ч. 2 ст. 190 УПК РФ. В соответствии с данной правовой нормой в протокол допроса в обязательном порядке вносятся все заданные вопросы (в том числе и те, на которые отказалось отвечать допрашиваемое лицо, или отведенные следователем) и ответы на них в той последовательности, какая имела место в ходе допроса. Следственная практика свидетельствует о том, что

в большинстве случаев вопросы в протокол не вносятся, что влечет за собой искажение хода и результатов следственного действия и показаний допрашиваемого лица. *«При судебном рассмотрении уголовного дела по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 190 УК РФ, были оглашены показания свидетелей, данные ими в ходе предварительного следствия и не подтвержденные в суде. В судебном заседании свидетели заявили, что при допросе в ходе предварительного следствия им задавались вопросы, на которые они отвечали «Да» или «Нет», во многом соглашаясь с высказываниями следователя, «т. к. он лучше знает». Изучение протоколов допросов показало, что все они составлены с нарушением требований, предусмотренных ч. 2 ст. 190 УПК РФ – в тексте протокола не было ни одного вопроса, а ответы на вопросы были изложены в виде свободного рассказа. Суд признал нарушение правил протоколирования и оценил показания свидетелей, данные на предварительном следствии, как недостоверные⁹».*

Если рассматривать достоверность как соответствие содержащейся в доказательстве информации объективной действительности, то вывод очевиден. Фактические ошибки и сознательное игнорирование отдельных обстоятельств, установленных в ходе производства следственного действия, приводят к тому, что содержание протокола следственного действия не соответствует объективной действительности, и, следовательно, содержащаяся в нем информация и все доказательство в целом недостоверны.

Примечания

¹ См., например: Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок: в 2 т. / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975; Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984; Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988; Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Красноярск, 2000; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 194–211; и др.

² См.: Шейфер С.А. Указ. соч. С. 195.

³ Там же. С. 200.

⁴ Там же.

⁵ Всего авторами проинтервьюировано свыше 250 следователей ОВД.

⁶ Пример из личной практики А.Ю. Шапошниковой.

⁷ Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. М.: ТК «Велби», 2004. С. 199.

⁸ См., например: стандартный бланк протокола обыска или выемки.

⁹ Уголовное дело №1-265/07 архив федерального суда Кировского района г. Самары. Пример из личной практики И.А. Шапошниковой.